

Слободнюк Сергей Леонович

доктор философских наук,
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры философии
Магнитогорского государственного университета
Заслуженный деятель науки РФ
dom-hors@mail.ru

КРИЗИСНОЕ ПРАВОСОЗНАНИЕ В ВОЗЗРЕНИЯХ И.А. ИЛЬИНА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация:

В статье представлен оригинальный опыт критического анализа правовых воззрений И.А. Ильина. Автор доказывает, что концепция правосознания, созданная Ильиным, представляет собой кальку богословских теорий о мистическом сознании. Понимание этого обстоятельства позволяет корректировать попытки придать методологии Ильина всеобщий и универсальный характер.

Ключевые слова:

естественное право, методология, положительное право, правовая реальность, правосознание.

Slobodnyuk Sergey Leonovich

D.Phil. (Philosophy),
D.Phil. (the Humanities), Professor,
Professor of the Philosophy Department,
Magnitogorsk State University,
Honored Scientist of the Russian Federation
dom-hors@mail.ru

I.A. ILYIN'S IDEAS OF CRISIS LEGAL AWARENESS: METHODOLOGICAL ASPECT

Summary:

The article presents an original analysis of I.A. Ilyin's juridical ideas. The author proves that legal awareness conception, created by Ilyin, is a calque of theological theories concerning mystic consciousness. Comprehension of this fact allows correcting attempts to interpret Ilyin's methodology as something universal.

Keywords:

law of God (natural law), methodology, positive law, legal conscience, legal reality.

Теоретико-правовое наследие И.А. Ильина вернулось в отечественную науку всего два десятилетия назад. Возможно, именно это обстоятельство привело к тому, что в многочисленных работах об Ильине обычно отсутствует элемент критического осмысления его концепций. В нашей статье мы попытаемся представить несколько аналитических наблюдений, цель которых: 1) определить методологическую эффективность воззрений Ильина, воплощенных им в работе «О сущности правосознания», и 2) наметить границы применения этих воззрений в исследовании соответствующей проблематики.

Уже на первых страницах этого труда автор подчеркивает: «Человечество заблудилось в своей духовной жизни, и хаос настигнул его неслыханной бедою; это свидетельствует о том, что *неверен был самый способ духовной жизни*, что он должен быть пересмотрен до корней и от корней обновлен и возрожден».

И если задача организовать мирное и справедливое сожительство людей на земле есть задача права и правосознания, то современный кризис обнажает прежде всего *глубокий недуг современного правосознания*» [1, с. 162]. Как видим, мыслитель явно неравнодушен к *духовным* аспектам проблемы. Но при ближайшем рассмотрении оказывается – неравнодушен настолько, что говорить о научной объективности ильинских построений становится сложно.

Главным аргументом в пользу нашего тезиса выступают вовсе не те фрагменты, где Ильин в духе брошюр для народного чтения утверждает: «Поднявшись к совершенству, религиозность утверждает его как нечто *реальное*, как действительное бытие или как творческую *силу*. Религиозно воспринятое совершенство не отвлеченная идея... оно объективно *само*, оно *подлинно есть*, даже тогда, когда оно вовлечено в процесс и еще осуществляет полноту своего бытия... Религия есть не только пафос совершенства, но и *пафос реальной силы*» [2, с. 383–384]. Эти построения особых вопросов как раз не вызывают: странно было бы думать, что православный Ильин вдруг начнет писать в стиле красной профессуры. Кроме того, основания подобных воззрений известны со времен Отцов Церкви. А значит – проверены тысячелетиями и могут претендовать на свое место в методологическом базисе современной науки.

Откровенные попытки Ильина свести в единое смысловое поле религиозную проповедь и теоретико-правовые построения, тоже не дают повода для резкого отторжения позиции мыслителя. Да, тезис о том, что политическое творчество получает от религиозного созерцания «ту глубочайшую идею и то жизненное руководство, которые связуют *государственность с естественным правосознанием* и тем предохраняют ее от духовного вырождения» [3, с. 380] – общее место в теории теократии. Но ведь это снова подтверждает объективную природу воз-

зрений Ильина. А ильинское определение правосознания, непосредственно соотносимого с правовой реальностью, при определенных поправках (sic!) может быть признано универсальным для многих мировоззренческих систем: «Корень здорового правосознания имеет *религиозную природу*, ибо дух инстинкта, так же как и воля к духу, есть по существу своему *искание божественного совершенства*. Приемля положительное право и государство, здоровое правосознание вносит в них ту же волю и то же искание; оно открывает в них религиозное достоинство и указывает им их религиозное задание... сообщает им черты подлинной духовной реальности. Подлинная государственность строится *здоровым правосознанием, то есть религиозно созерцающею волею*» [4, с. 380]. В самом деле, стоит произвести небольшую редукцию, и мы получаем вполне жизнеспособную идею о тождестве правосознания и воли, актуализирующей себя в общественном устройении мира.

Однако при обращении к *скрытым* пластам текста картина резко меняется. Давайте посмотрим, как рассуждает апологет здорового правосознания о конфликте естественного и положительного права, который «должен быть разрешен в пользу первого, и притом потому, что объективное значение положительного права определяется в корне своем – духовным достоинством естественного, то есть, во-первых, актуальным и содержательным присутствием в нем духовно-естественной правоты; во-вторых, формальной возможностью и жизненным заданием его – быть верною и точною формою естественного права» [5, с. 214]. Мы видим, что риторический пафос автора просто маскирует мысли *об онтологической вторичности положительного права*: «Положительное право по самому существу своему есть *организованная попытка формулировать естественное право*; духовно-жизненная важность этого дела... уверенность в том, что такая формула едина, составляют то *духовное* основание, которое побуждает людей сосредоточиться на строгой – формальной регулированности самого порядка, в котором создается право» [6, с. 214].

Однако каким образом эти наблюдения связаны с нашим тезисом об отдалении Ильина от научной объективности? Самым непосредственным, поскольку далее мы читаем: «Понятно, что положительное право во всех случаях расхождения оказывается *суррогатом* естественного права, и если это расхождение обостряется до конфликта, то положительное право может предстать сознанию в роли „ложного“ права, лже-права, или „самозванца“. По обнаружении такого конфликта для правосознания наступает период *искушения*: понятие права двоятся, положительное право начинает утрачивать свой ореол правоты, и если идея объективно значащего естественного права не живет в умах с достаточной отчетливостью и силою, то „принципиальное“ развенчание всякого права оказывается у порога; право начинает изображаться как „простое проявление“ власти, силы и насилия... оно постепенно развенчивается в последовательном, но незрячем критическом анализе, а незрячий скепсис приводит к его категорическому отвержению. Наступает более или менее глубокий *кризис правосознания*, который может привести и к разложению правовой жизни, но должен привести к более углубленному обоснованию и пониманию права и к зарождению *нового правосознания*» [7, с. 214–215]. Если мы исключим из многоголосья ильинских тезисов тему, связанную с марксовым толкованием права, и отстранимся от публицистической риторики, у нас останется... откровенная аналогия между положительным правом и известным персонажем христианской мифологии: Денницей, сыном зари или просто – Сатаной.

Как известно, его «объективное значение» в нашем мире тоже определялось в «корне своем – духовным достоинством» создателя. Кроме того, одно время любимейший из ангелов был вполне согласен с тем, что сие достоинство определялось как «актуальным и содержательным присутствием в нем духовно-естественной правоты», так и «жизненным заданием» «быть верною и точною формою» причины и принципа всего сущего. Но стоило «форме» встать в чаянии автономии, и сразу выяснилось, что она есть негодная обезьяна творца, готовая возвести на престол Антихриста...

Идущий далее прогноз, где Ильин высказывается о новом правосознании, которое должно зародиться после возможного разложения нынешней правовой жизни (ввиду «глубокого кризиса правосознания»), явно созвучен идеям новозаветного Апокалипсиса. А чтобы у нас не оставалось сомнений, что так оно и есть на самом деле, вспомним, что финальная глава рассматриваемого труда начинается со следующих утверждений: «Право и государство периодически вступают в состояние глубокого кризиса. Причина этих кризисов состоит в том, что человечество, строя правопорядок, теряет из вида *единую, безусловную цель* политического единения и превращает его в орудие для условных, малых заданий и частных вожделений; отсюда вырождение правовой и государственной жизни... Тогда как бы внезапно обнаруживается, что право и государство получили неверное содержание и недостойную форму... что они сделались орудием зла, а не добра... И почувствовав беду, но не поняв ее значения и ее корней, человечество начинает выбираться из нее с тою же инстинктивною слепотою и духовною беспо-

мощностью, с которой оно позволило ей настичь себя и подавить»; «для того, чтобы право и государство действительно вступили на путь обновления и возрождения, необходимо верно осознать их природу, их цель, их основу и затем сделать осознанное предметом воли и жизненного действия. В основании лечения должно лежать верное понимание *здорового организма* и его *недугов*. Установить такое верное понимание правового и политического общения есть задача философии права: разрешить эту задачу значит создать учение о здоровом и верном *нормальном правосознании*» [8, с. 388–389]. Несмотря на финальный философско-правовой аккорд, можно довольно уверенно утверждать, что под именем философии права здесь выступает русская религиозная философия, которая еще в начале XX в. стала философией религии. Эту мысль полностью подтверждают заключительные строки ильинского учения о правосознании: «Жизнь человечества всегда слагалась так, что восхождение к безусловным предметам осуществлялось только в духовном подъеме»; «задача для новых поколений: *принять дарованные испытания, познать по-новому сущность права и государства и осуществить познанное – силою обновившегося правосознания*, принявшего не только уже состоявшийся опыт подлинного страдания, но и великую, тысячелетнюю традицию духовного искания. Новый мир вернется к политической традиции Сократа и Аристотеля. Но будет искать и находить свои корни в христианстве... Новый мир должен создать и создаст новое правосознание, покоящееся на *любви к духу* и на *воле к безусловному благу*. Это правосознание уже зарождается и зародилось, и задача всего человечества в том, чтобы не угасить вспыхнувшего огня, но поддержать его драгоценное пламя и зажечь им сердца» [9, с. 398].

На основании сказанного можно заключить: ильинская концепция правосознания является собой кальку богословских теорий мистического сознания. Таким образом, корректное применение методологии И. Ильина ограничено теми областями правосознания и правовой реальности, где главную структурообразующую роль играет религиозный элемент. Игнорирование этого обстоятельства с большой степенью вероятности приведет к превращению теоретико-правового анализа «по Ильину» в вариации на темы Апокалипсиса.

Ссылки:

1. Ильин И. А. О сущности правосознания // Ильин И. А. Теория права и государства. М., 2003. С. 159–398.
2. Там же.
3. Там же.
4. Там же.
5. Там же.
6. Там же.
7. Там же.
8. Там же.
9. Там же.

References (transliterated):

1. Il'in I. A. O sushchnosti pravosoznaniya // Il'in I. A. Teoriya prava i gosudarstva. M., 2003. P. 159–398.
2. Ibid.
3. Ibid.
4. Ibid.
5. Ibid.
6. Ibid.
7. Ibid.
8. Ibid.
9. Ibid.